

Всадник двух всадников Еще о "петербургской" поэме Пушкина

Всеволод
Сахаров,
доктор
филологических
наук, профессор
ИМЛИ РАН

В русской классической литературе есть несколько великих, всем известных и вместе с тем загадочных произведений, которые наши писатели и читатели пытаются понять и толковать на протяжении нескольких веков их бытия в отечественной культуре. Такова коротенькая поэма Пушкина «Медный всадник», написанная на едином творческом дыхании за месяц, в октябре 1833 года, во вторую болдинскую осень. Вот уже два столетия её цитируют и пытаются разгадать, и конца этой работе не видно, ибо пушкинская поэма полна великих, противоречащих друг другу истин, её загадка кроется в высшем смысле незавершённой истории России. А это означает, что в «Медном всаднике» содержится вся пушкинская философия истории, философия и история творческая, как бы продолжающая и разъясняющая великий труд Карамзина — многотомную «Историю Государства Российского».

Поэтика классицизма, которую Пушкин изучал в лицее, требовала в художественном произведении выдвигания и решения *единой* идеи. И в общем-то это правильное условие. Пушкин это знал хорошо и в повести «Шиковая дама», писавшейся одновременно с «Медным всадником», сказал: «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место». Но тут же это важное правило нарушил, поставив в своей поэме лицом к лицу две великие неподвижные идеи, которые живут рядом друг с другом в русской истории и не могут, не должны одна другую победить. Ибо тогда это уже будет другая история и другая поэма. Из постоянного столкновения двух правд, государственной и человеческой, и рождается русская трагедия, в чьи кровавые цвета окрашена вся наша история.

Обратим внимание на *жанр* «Медного всадника». Произведение для поэта этапное, особо важное, ибо написано ровно посередине его творческого пути. Вдруг мы обнаруживаем здесь черты очень разных пушкинских произведений — от ранних од, поэмы «Полтава» («Лик его ужасен») и повести «Капитанская дочка» до стихотворения «Стансы» (надежды поэта были и несбывшимися надеждами бедного Евгения) и «Евгения Онегина». Ясно, что эта поэма продолжает трагедию в стихах «Борис Годунов». Но Пушкин здесь понимает свою творческую задачу шире, видит историческую перспективу. Ему суждено пойти дальше Карамзина. За «Медным всадником» стоят наследие новой русской литературы XVIII века и весь творческий опыт автора, поэта, историка и мыслителя.

Пушкин написал *поэму*, но назвал её «петербургской *повестью*». Повесть — это не очень длинный (больше рассказа и меньше романа), но достаточно развёрнутый и связный рассказ о цепочке реальных (эпитет «петербургская» чётко привязывает сюжет к конкретному времени и месту) событий, выявляющий характеры героев и суть авторской идеи. И обычно она бывает прозаической. Но у Пушкина «низкая» повесть о бедном петербургском чиновнике писана стихами, и стихами великолепными, иначе она не смогла бы встретиться, трагически столкнуться в неразрешимом историческом конфликте с высокой и торжественной «государственной» одой. Такая

встреча возможна только в лироэпическом пространстве большой исторической поэмы и нуждается в философском осмыслении.

Открывая «Медного всадника», мы читаем стихи, но не просто поэтическую речь, а чеканные, классические строфы, великолепную «державинскую» оду в духе велеречивого XVIII столетия, вдохновенную песнь государственному величию и военной мощи империи, монарху и строителю небывалого столичного града — Петру Великому. Начиная с Ломоносова и его незавершённой поэмы «Пётр Великий», было много од и поэм, где звучали хвалы царю-реформатору и герою Полтавы, но лучшая — это пушкинский «Медный всадник», его знаменитое «Вступление». Восторг проникает в душу и разум поэта и читателя. Здесь всё ликует, даже Нева.

А. Бенуа.
Рисунок к
«Медному
всаднику».
1903

В отличие от торжественной оды и эпической поэмы, во «Вступлении» есть авторское «я», есть обыденный петербургский быт, весёлое катание на саних, румяные от мороза девушки, шумные балы, холостые пирушки (вспомним чисто онегинские живые и кипучие строки «Шипенье пенистых бокалов И пунша пламень голубой»), картинные парады великолепных гвардейских частей (медные шапки-гренадерки — головной убор солдат Павловского полка), победный салют со стен Петропавловской крепости, простой народ «с своим бесчувствием холодным» («перевозчик беззаботный» посреди общего горя и смерти), — всё это входит в пушкинскую оду и делает её более человеческой и реалистичной.

Сам язык её уже не ломоносовский и державинский, не церковно-славянская архаика прежней оды XVIII столетия, Пушкин перевёл её громоздкие периоды и тёмные старинные слова (самые красивые и звучные архаизмы поэт всё же сохранил и вживил в своё повествование) в гармоничную и сильную поэтическую речь нового времени, которой можно написать не только оду-введение, но и всю поэму. Построенная Петром Великим северная столица Петербург из роскошной, но холодной имперской декорации дворцов и башен, населённой императорами, вельможами и героическими полководцами, превращается в реальный город живых людей, где давно уже поселился сам автор поэмы, родившийся в древней вольной Москве, но писавший свои стихи в светлые «белые» петербургские ночи:

*...Я в колыбели моей
Вижу, читаю бед лампады...*

Из унылого болотистого «приюта убогого чухонца» великий царь-строитель сделал одну из красивейших мировых столиц, главный город огромной и могучей империи, русское окно в Европу. Это уже государство в государстве, создание европейской цивилизации, правильно расчерченное по генеральному плану Петра, с Петропавловской крепостью и царским Зимним дворцом в центре, зданиями двенадцати коллегий (так тогда назывались министерства), биржей (финансовый и торговый центр), казармами гвардейских полков, каналами, дворцами вельмож и домами мелких чиновников и служащих.

Этот мир выстроен по принципу властной имперской «вертикали»: наверху — грозный самодержавный император в великолепном дворце, внизу, в ветхой хижине — покорный и бесправный простой люд, на чьих плечах и костях город и официальный имперский мир созданы по «роковой воле» Петра Великого. Его Петербург — символ государства и государственности, в нём отразилась вся новая Россия. Царь хотел, чтобы его Петроград был вечным, и построил его из гранита, мрамора и меди — на гнилом финском болоте. Сам Петр стал посредине его царём-памятником, горделивым медным кумиром этой торжествующей мощи. Великолепный император в лавровом венке на вздыбленном коне стоит на диком, необработанном камне (эта природная скала, найденная под Петербургом, называ-

лась Гром-камень), символизирующем собой Россию. Её всю ещё предстоит обработать, превратить в правильную империю по образу града Петрова. Древнюю же Москву грозный император ненавидел как противостоящее ему и его «правильному» граду бесформенное, но живучее гнездо русской вольности и мятежа, стоящее, как Рим, на семи холмах. Недаром гордый конь топчет змею измены, зависти и инакомыслия.

Вторую часть своей поэмы Пушкин посвящает одному из тех, кто толпится «внизу», у подножия медного титана, «маленькому человеку», молодому чиновнику Евгению, у которого даже нет фамилии, хотя происходит он из древнего дворянского рода, славного в истории старой Руси. Но громкая фамилия, личная честь и семейные предания юноше уже не нужны. Древняя Русь если не уничтожена царём-реформатором, то загнана вглубь народной души. Новая государственная машина европеизированной империи обезличила обедневшего дворянина Евгения, превратила потомка гордых витязей и опричников в часть многотысячной толпы будущих гоголевских чиновников, заставила мечтать о «смирненном и простом» счастье маленького человека: скромный домик, хорошее место на службе и достаточное жалованье, любимая жена, любящие дети и внуки, спокойная обеспеченная старость. И ничего плохого или постыдного в его желаниях нет, хотя нет в них и высокого полёта романтической мечты и бурного жизненного порыва.

Но это скромное счастье и семейный покой бедный Евгений наивно жаждет обрести внутри созданного Петром I военно-феодалного государства и его новой имперской столицы. А они, как и сама наша история, неустойчивы, подвержены неизбежным превращениям судьбы и великим историческим потрясениям, ибо Петербург основан жестоким монархом, «чьей волей роковой под морем город основался».

Позабыты и нарушены все законы природы и заповеди христианства, ограблены и насильно закрепощены законно владевшие этими местами убогий чухонец и финский рыболов, на строительство града согнаны и в массе своей погибли от холода, гнилого климата и болезней десятки тысяч крестьян и солдат. Страшная цена заплачена за это холодное, нечеловеческое великолепие, за самодовольное торжество европейской цивилизации среди финских болот и низин.

Историк и вельможа XVIII века князь М.М. Щербатов назвал творение Петра «противуестественным городом». Известно нам и Пушкину и весомое мнение Карамзина, высказанное в знаменитой бесцензурной «Записке о древней и новой России»:

«Утаим ли от себя ещё одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осуждённых природою на бесплодие и недостаток. Ещё не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. Иноземный путешественник, въезжая в государство, ищет столицы, обыкновенно, среди мест плодоснейших, благоприятнейших для жизни и здравия; в России он видит прекрасные равнины, обогащённые всеми дарами природы, осенённые липовыми, дубовыми рощами, пресекаемые реками судорожными, коих берега живописны для зрения, и где в климате умеренном благообразный воздух способствует долголетию, — видит и, с сожалением оставляя сии прекрасные страны за собою, въезжает в пески, в болота, в песчаные леса сосновые, где царствуют бедность, уныние, болезни. Там обитают государи российские, с величайшим усилием домогаясь, чтобы их царедворцы и стража не умирали голодом и чтобы ежегодная убыль в жителях наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человек не одолеет природы!»

В. Масютин.
Илл. к берлинскому
изданию «Медного
всадника». 1922

Но великий муж самыми ошибками доказывает своё величие: их трудно или невозможно изгладить — как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!..»

Таковы суждения русских историков. Пушкин в «Медном всаднике» с ним согласился и сказал, что «под морем» столицу строить нельзя.

Бедный Евгений и его маленькая обыденная драма нужны поэту, чтобы явить тотальную бесчеловечность волевой государственности. Вот перед нами не общие слова бесстрастных правителей и умело округлённые цифры услужливой статистики, а конкретный человек с хрупкой краткосрочной жизнью и неповторимой судьбой. И что же? Несчастный Евгений в страшном прозрении глядит на медный памятник императору-революционеру:

*И, обращен к нему спиной,
В неколебимой вышине,
Над возмущенного Невского
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.*

Рисунок
А.С. Пушкина

Кумир — слово библейское, оно означает языческого идола (страшную статую жестокого, карающего бога), которому слепо поклоняются и приносят жертвы, часто человеческие. И вот медный идол имперской государственности («Ужасен он в окрестной мгле!») поворачивается спиной к реальному человеку, к отдельной самоценной личности, её маленькой обыденной трагедии. В его империи нет и не может быть устойчивости, покоя, достойного существования, социальной благоустроенности, взаимного уважения власти и конкретного человека. Грозному царю нужны лишь подданные и исполнители, а не граждане. «Этот бронзовый гигант не мог уберечь участи индивидуальностей, обеспечивая участь народа и государства», — верно сказал Белинский.

Катастрофа ломает все красивые имперские декорации. Гибнут юная невеста Евгения и её маленький ветхий домик; тихие мечты и скромное счастье бедного чиновника, этого крохотного винтика в огромной скрипучей машине тоталитарной империи, безоглядно приносятся в жертву «великим думам» монарха-реформатора. Спросить яростного Петра, стоило ли и можно ли было заложить здесь столичный город, никто, понятно, не посмел, за такие вопросы он после страшных пыток казнил собственного сына и наследника, царевича Алексея.

Но тут в действие вступает непредсказуемая, вечно свободная и всемогущая стихия — море. Река Нева под напором морских волн вдруг перестаёт верноподданно ликовать, оживает, становится диким зверем, бросается на Петербург, грабит, разрушает и убивает, как разбойник. Её «державное течение» превращается в мятеж, «мрачный вал», гневную бурю, яростный приступ, битву (здесь Пушкин неожиданно использует образы своей поэмы «Полтава»), а город — в поле сражения, заваленное трупами, обломками и развалинами.

Неизбежная природная катастрофа вдруг открывает всю бесчеловечность, все скрытые болезни и пороки внешне красивой и могучей государственной машины. Не для простых людей она построена и потому не может их спасти. Одическое ликование более невозможно. «Слабый и лукавый» правнук Петра царь Александр I лишь наблюдает за народным несчастьем с балкона своего дворца. Его беспомощные генерал-адъютанты картинно ездят на лодках по улицам города с тощим кошельком и фарисейски утирают кружевным носовым платочком народные слёзы, символизируя собой нечто вроде тогдашнего министерства по чрезвычайным ситуациям. Не только гибнут личные мечты Евгения, но и само великое дело Петрово рушится, видно, что построено оно не только на человеческих кос-

тях, но и на песке, ибо оно не народно. И дело не только в неизбежном и беспощадном протесте природы против волевого насилия над нею.

Нечеловеческая сила Петра попыталась железной рукой повернуть саму русскую историю, но та ответила неизбежным кровавым мятежом, дворцовыми переворотами (см. пушкинскую оду «Вольность») и народными восстаниями, главным из которых был описанный Пушкиным путачёвский бунт. Народ грозно безмолвствует в своих полуразвалившихся затопленных хижинах, но в глубине души хочет, чтобы великолепный город, могучее национальное государство, великая классическая культура, дворцы и парки создавались для него, а не во имя одних только высших государственных интересов и монаршей роковой воли:

*...Мль всяк наша
И друзей никто, как сок сухой,
Насмешка неба над землей?*

Мятеж стихии, бунт хищных волн, гибель всех надежд и потеря близких порождают в несчастном Евгении «страшные думы» и «шум внутренней тревоги», заставляют его прозреть («Прояснились в нём страшно мысли»), пусть через несчастье, ненависть и безумие («обуянный силой чёрной»), и сказать своё слабое, но твёрдое и гневное «нет» медному идолу торжествующей государственности. «Великие думы» Петра порождают «ужасные думы» его мятежного, отчаявшегося подданного. Маленький человек, лишившийся всего и сидящий верхом на мраморном льве посреди гибнущего града Петрова, вдруг грозит своим слабым кулачком («пальцы сжав») коронованному конному титану: «Ужо тебе!» Начинается их исторический поединок.

Это голос «незаконного» русского гуманизма, неожиданное напоминание о подлинной и главной ценности любой «системы» — человеке, его бесспорных правах. Пушкин в своих рукописях нарисовал вставшего на дыбы медного коня на дикой скале, но уже без всадника. И тем самым показал, что екатеринбургская трагедия 1918 года — лишь один из последних, но не заключительный акт трагедии русской. Опытный властитель Борис Годунов в пушкинской трагедии пророчит: «Конь иногда сбивает седока». Это цена бесчеловечности верховной власти, вызывающей «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Но в дерзком бунте Евгения есть великий исторический смысл и правда. И автор «Медного всадника» обратился к безоглядно несущейся в смутную историческую даль России с вечным русским вопросом:

*Куда ты скажешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?*

Здесь, как и в пушкинской трагедии «Борис Годунов», философия русской истории приводит к вещему поэтическому слову, пророчеству и предостережению. Таковы смысл и назначение поэмы «Медный всадник». На вопрос Пушкина Россия отвечала не раз и по-разному. Но всё дело в том, что этот правильно поставленный вопрос великого национального поэта и ныне не потерял своей силы и значимости. Напрасно некоторые наивные люди думают, что Пётр Великий участвует в нашей сегодняшней жизни только в виде безобидного изображения на всем лобезной пятисотрублёвой банкноте. Верный ответ на вопрос Пушкина ещё впереди.

Неопубликованный
рисунок А. Бенца.
1903